

Е. М. МИРОНОВА

ВОСПОМИНАНИЯ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА САБЛИНА

Воспоминания Е.В. Саблина, дипломата и общественного деятеля, возглавлявшего русскую общину в Лондоне в период между двумя войнами, посвящены времени окончания им Александровского лицея и начала карьеры в министерстве иностранных дел Российской империи.

Ключевые слова: *Е.В. Саблин, Александровский лицей, дипломатия, министерство иностранных дел, Сербия*

Евгений Васильевич Саблин всю свою жизнь оставался верен раз выбранному поприщу дипломата. Его карьера в ведомстве развивалась поступательно и успешно. Работу в качестве второго секретаря миссии в Белграде сменит назначение секретарем генерального консульства в Танжере (Марокко). Его деятельность в качестве первого секретаря посольства в Тегеране привлекла внимание императора Николая II, написавшего на одном из его донесений: «Согласен с мнением разумного Саблина». В 1914 г. он был переведен первым секретарем в Лондон, в 1917 г. стал советником этого посольства. Дальнейший его жизненный путь испытал на себе влияние октябрьских событий в Петрограде.

Вместе со всем Русским заграничным дипломатическим корпусом он отказался подчиниться правительству большевиков. Возглавив посольство в конце 1919 г. в качестве Временного поверенного в делах не-большевистской России, он оставался на этом посту до 1924 г., когда Великобритания признала СССР. С этого момента и до конца жизни он был представителем созданного в начале 1921 г. Совета русских послов, главой русской общины в Лондоне, со временем приняв на себя функции представителя Красного Креста и приходского старосты. Так и не приняв, и не признав советскую власть, он оставался русским патриотом, государственным, верным тем принципам, на которых был воспитан.

Отрывок самых ранних воспоминаний Саблина относится ко времени окончания Александровского лицея и поступления на службу в Министерство иностранных дел. Учеба в одном из самых престижных учебных заведений, поступление казака по рождению на службу в ранее закрытое, кастовое учреждение Империи – одно из свидетельств происходившего в то время обновления государственной элиты. Юность будущего дипломата проходила в исключительно культурной среде: учеба в «пушкинском» лицее навсегда оставит след в личности выпускника, привив идеалы гуманизма, патриотизма, культурную просвещенность. Обстановке лицея соответствовал и круг общения семьи, в который входил коллекционер П.С. Киселев. Лето семья проводила в новом дачном месте на побе-

режье Финского залива – в Гунгенбурге, где сложилась удивительная культурная обстановка. Здесь проходили летние сезоны юной Анны Ахматовой, здесь обустроился с семьей писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. Как следует из воспоминаний, Евгений дружил с детьми воспитателя детей великого князя Константина, родственниками Рерихов – Митусовыми.

Е.В. Саблин начал делать записки не ранее 1905 г., думается, в Марокко, что, безусловно, наложило свой отпечаток, однако разрыв во времени был не настолько велик, чтобы вытравить из памяти ощущения, восприятие мира героя в описываемое время. Он открыт миру, пытлив, внимателен и с полным прилежанием описывает то, что запало в душу при первом знакомстве с Министерством иностранных дел.

Документ представляет собой тетрадь в кожаном переплете, с вклеенным на первой странице фото. На снимке изображены мужчина и женщина старшего поколения. Видимо, это родители автора: Василий Федорович и Надежда Федотовна Саблины. Текст рукописный, писался разными перьями, сравнительно небольшими отрывками. Почерк достаточно четкий, но порой переходит в трудночитаемую скоропись.

Изложение охватывает период 1898–1902 гг., обрывается неожиданно, без концовки. В рукописи рассказывается о поступлении автора на службу в МИД, год работы в центральном ведомстве и первом месте заграничной службы – Белграде. Мы публикуем только первую часть, посвященную периоду до отъезда молодого дипломата за границуⁱ.

Воспоминания моей службы. Года 1898-1899-1900-1902

Впервые желание поступить в Министерство иностранных дел, чтобы пойти потом по дипломатической части, появилось у меня еще когда я был в 3 классе Лицея. Не могу сказать, чем мотивировал я тогда свое желание, вполне же я оценил службу в этом ведомстве только тогда, когда попал *attaché* при миссии в Сербии, т.е. в ноябре 1899 г. До марта 1898 г. мои мечтания о службе оставались в области предположений; в марте же, когда в лицее начались выпускные экзамены, начальство весьма категорично заявило, чтобы все воспитанники объявили, куда они желают причислиться; не долго думая, я на листе, который предлагался для записей против своей фамилии уверенно и бойко написал – в 1 департаментⁱⁱ МИД. Со мною же вместе записались в это министерство кн. Лев Владимирович Урусовⁱⁱⁱ, Михаил Михайлович Бибиков^{iv}, Бенно Александрович Зиберт^v и Бар. Карл Александрович Штакельберг^{vi} – первый с причислением ко 2 департаменту^{vii}, остальные по Департаменту Личного состава и хозяйственных дел.

Выпускные экзамены пролетели как видение – призрачное, когда попадался хороший билет, и ужасное, если из вытянутого билета я мог только назвать его номер.

Волнующее это было время, но теперь, когда оно уже ушло в область воспоминаний – оно рисуется в моем воображении добрым старым временем. Сколько страхов, разговоров, какой кому попадет билет; выходишь наконец к столу: «Возьмите билет», слышится голос старого генерала Фельдмана^{viii}; «который?» – такой-то! И как трудно отвечать, если билет попадет-

ся мало приятный; отвечаешь бойко, уверенно, и по всем нервам разливается какое-то приятное удовлетворение, сознание, что еще одним экзаменом меньше и вместе с тем ближе желанный конец. Готовились к экзаменам обыкновенно группами – моя группа состояла из двух человек – Жеванова^{ix} и меня. Помню, прибежал утром на Ивановскую 4: «Борька, ты спишь, идол?» «Много прошел?»

«Ни черта?»

«А ты?»

«Тоже немного». И начинаются догадки, какой билет попадется, да будут ли спрашивать кроме билета, нельзя надписать на программе и т.д.

Для пар дипломатов, как мы себя величали не без некоторой гордости, самым серьезным экзаменом было Международное право у Ф.Ф. Мартенса^x. Дело в том, что для поступления в МИД необходимо было подвергнуться двум испытаниям: *examen de saparites*^{xi}, который производил 8 ранг дипломата в присутствии нескольких чиновников, и дипломатическому экзамену, который производился Советом министерства иностранных дел, вот в этом Совете Ф.Ф. Мартенсу и принадлежало первое место, и он был грозой будущих послов и посланников. В виду этого все мы старались отличиться перед Мартенсом и до некоторой степени заставить его помнить наши ответы, дабы тем самым обеспечить себе поддержку на дипломатическом экзамене. С этой же целью все, поступавшие в МИД, избрали себе темою для выпускного сочинения какой-нибудь вопрос международного права. Я писал о Сношении России со Святейшим Престолом, и Мартенс оценил мою работу в 11 (?) бал<лов>^{xii}, упрекнув меня в стиле фельетониста. На экзамене отвечал я о правах и обязанностях консулов, и ответ мой был бы более удачным, если во время подготовки сидевший со мной рядом товарищ и друг мой Полянский^{xiii} не вздумал вступить со мной в переговоры относительно своей шпаргалки, которую он каким-то образом потерял, а без нее он был в весьма неприятном положении – Мартенс это заметил и просил нас не совещаться.

Все это не помешало нам, однако, благополучно кончить курс, проделать всё, связанное с окончанием, и поступить на службу. Последний наш экзамен был 12 мая; вернувшись с него, каждый из нас находил дома штатское платье и, конечно, тотчас же переодевался. Сей акт, столь незначительный сам по себе, имел, конечно, для каждого из нас большое значение: начиналась новая жизнь в связи с новой оболочкой. Ещё будучи лицеистом, я месяца два до окончания отправился по совету друзей в министерство иностранных дел и представился директору первого департамента Александру Константиновичу Базили^{xiv}. Базили не был мне совсем неизвестным, и я ему; приходясь отдаленным родственником Ариадны Константиновны Мартыновой^{xv}, другу нашей семьи, я встречал его еще в бытность нашу в Одессе в ее доме; в Одессе Базили имел несколько домов. Кроме этого сын Базили^{xvi}, по прозванию Коко, был также лицеистом 6 класса, и это обстоятельство обеспечивало каждому лицеисту любезный прием у папаши.

Базили принял меня хорошо; он спрашивал у меня, чем я руководствовался, поступая в карьеру, на что надеюсь и проч. Я отвечал ему, смеясь в душе, что интересуюсь Востоком, нашей политикой там и что по сему и поступаю к нему в Азиатский департамент. Тут же он предупредил меня, что желающих послужить нашей политике на востоке много, но мест мало, и что

старшие меня по выпуску товарищи служат без жалованья и не думают скоро получить какое-нибудь назначение. Для поступления, по его словам, надо было подвергнуться двум экзаменам – при департаменте и дипломатическому. Все это меня, однако, не обескуражило. Молод я был и смотрел на все с надеждой и более был оптимистом, чем глядел на грядущее с тоской, тревогой. На сем мы расстались, причем Базили просил меня по возможности явиться на службу скорее; условились мы, что после экзаменов я отдохну и к 16 июля буду в министерстве. Первый шаг, таким образом, был сделан; все остальное должно было идти по заведенной раз навсегда машине государственного механизма.

Я, счастливый и довольный, поехал по своему обыкновению в Бродки, имение моих друзей Жевановых^{xvii}, Тверской губернии, близ Волочка. Там я пробыл недолго и поехал в Гунгербург^{xviii} к родителям, где и оставался до 15 июля, когда собрали меня в путь, благословили и сказали: служи.

В Петербурге в это время было плохо: стояла жаркая погода, знакомых никого не было, к загородным садам влечения я не имел, сослуживцев не знал... все это немного разочаровало меня. А в Гунгербурге был как раз веселый сезон. Из моих друзей жили там: Урусовы^{xix}, Зеленые^{xx}, Пешковы^{xxi}, Пантелеевы^{xxii}, Енакиевы^{xxiii}, Рассели^{xxiv}, Чаплины^{xxv}, Митусовы^{xxvi} и другие. Общество было любезное, всем я приходился по вкусу, в общем было беззаботно, весело и как-то хорошо на душе. Однако медлить было нечего; пришлось ехать и 16-го, ровно в два часа я пришел в министерство.

Все на меня смотрели, и не скажу, чтобы дружелюбно, а как-то чиновнически. Из лицистов в департаменте у нас были: Татищев^{xxvii}, Засецкий^{xxviii}, Крупенский^{xxix}, Арсеньев^{xxx}, Протопопов^{xxxi} и Ону^{xxxii}. Все это были милые люди, и мне они во многом облегчили мои первые шаги по службе. В особенности мило ко мне отнесся Ону, сын посланника нашего в Греции; он мне тотчас же нарисовал картину департамента и объяснил мне весь механизм. До экзамена меня посадили в Турецкий стол, под начальство Сергея Сергеевича Кетова^{xxxiii}. С.С. Кетов служил в департаменте давно, лет 12; относился он к своим обязанностям прекрасно, но при всем старании начальство не давало себе труда оценить его таланты и всякий раз его обходили, а при случае и поругивали. В момент моего поступления он был делопроизводителем VIII класса, тогда как однокашник его, Егор Антонович Плансон^{xxxiv} был уже начальником второго отделения. Кетов жаловался на свое положение всякому новому человеку, бранил начальство, жаловался на несправедливость, но, в сущности, счастлив был своим положением, ибо боялся ответственности, терял голову при пустяках и всю вину сваливал на своих помощников. Первое время моей науки я писал копии, считывал литографии, переписывал начисто и изредка приглашался в политический стол, где принимал участие в шифре. Действие сие облекалось в какую-то особенную таинственную торжественность. Скептики глумились и говорили, что то, что мы сегодня с такими таинственными минами шифровали, было вчера в Петербургском листке.

У Кетова я пробыл недолго; я как-то по совету друзей, чтобы перейти в другой стол, пожал плечами на замечание Кетова, что слова «Ваше превосходительство» недостаточно почтительно выписаны, пожал плечами (так в тексте – *Е.М.*). Кетов обиделся, причислил меня к вольнодумцам и просил

меня перевести в другой стол. Случай этот не повлиял, однако, на наши отношения впоследствии, и мы расстались с Кетовым добрыми друзьями. Тем временем в нашем отделении постепенно выяснились две партии: Приклонского^{xxxv} и Веретенникова^{xxxvi}. Приклонский появился на горизонте Первого департамента неожиданно. Будучи вице-консулом в Будапеште в бытность там Генеральным консулом А.К. Базили, Приклонский сумел сделаться необходимым человеком Базили, и когда последний был призван в директора Первого Департамента, – Приклонский не замедлил появиться вслед за ним, сперва делопроизводителем VII класса, а затем последовательно в течение года достиг начальника отделения. Человек он был в высшей степени нервный; поэтому часть возводимых на него обвинений в грубости, придиричivosti и том, что называется: неприятным характером должна была отпасть; нервному человеку, подгоняемому таким суетливым и неуверенным человеком, как Базили, приходилось иногда прямо разрываться на части; невольно гнев его обрушивался на подчиненных, происходил обмен любезностей, и Приклонского нещадно ругали! В числе других и я не избежал с ним столкновения. Случилось это вот по какому поводу. Было время близкое к дипломатическому экзамену; все усиленно готовилось и к работам в Департаменте не привлекались. Дня за три до экзамена Приклонский вдруг предлагает мне снять копию с донесения Базили по вопросу о междупарламентской конференции в Будапеште. Донесение объемистое, дня на 1,5 работы. Я говорю Приклонскому, что у меня через 2 дня экзамен. На это он мне весьма резко отвечает, что в первый раз встречает чиновника, отказывающегося от предлагаемой ему работы. Я вспыхнул; ни слова не говоря, взял донесение и в один день его переписал; придя в Департамент, я приказал сторожу передать его Приклонскому, а сам в то же время прошел на свое место. Отношения наши были какое-то время натянутыми, но потом все обошлось. К слову сказать, все это не прошло незамеченным сослуживцем моим Веретенниковым, бывшим в это время делопроизводителем VII класса и имевшем в своем ведении столы славянский и греческий.

Тут нужно добавить, что насколько Приклонский был человеком Базили, настолько Гартвиг^{xxxvii}, наш олимпийский и умный директор (вице) протезировал Веретенникову. Отсюда ясны были отношения Приклонского и Веретенникова; наружно сохраняя хорошие отношения, они в душе ненавидели друг друга. В целях этих они, что называется, и вербовали себе сторонников. На стороне Приклонского были Жуковский^{xxxviii}, Ларош^{xxxix}, Дьяченко^{xl}, в клике Веретенникова числились Губарь^{xii}, Засецкий и я. Попал я в эту компанию именно в минуту моего раздражения против Приклонского; Веретенников сумел привлечь меня, и с этого момента я сделался невольным спутником этого человека. Веретенников был скорее несимпатичным человеком; он принадлежал к разряду тех натур, которые во всем стараются найти смешную сторону, хотя бы это касалось и трагических положений. С ним трудно было говорить по душе; случалось мне иметь к нему просьбу – он смеялся, нужно ли было совета – он советовал то, к чему можно было отнестись шутливо. И так все время. И я стал на стороне Веретенникова, хотя пользы от этого для себя не видел. Положение это, однако, не препятствовало мне быть в наилучших отношениях с приверженцами Приклонского. Среди них Жуковский был даже моим другом; нас сближала любовь

к музыке, к поэзии. Он был поэтом с крупнейшим дарованием; Буренин^{xlii} писал про него как про лучшего из современных поэтов. Он и переводил стихи; в особенности удачны его переводы из Эредиа^{xliii}. Теперь он переводит из Эминеску^{xliv}, румынского стихотворца. Будучи в Департаменте, он женился, и я первый узнал о его намерениях; тут же он получил назначение в Галац. Я был его шафером на свадьбе. В отличных отношениях был я и с Ларошем; сын музыкального критика и друга Чайковского, он наследовал любовь и понимание музыки от своего отца. Это и было обстоятельством нас соединившим. Мы встречались на симфонических концертах, обменивались впечатлениями, а на другой день, встретившись в Департаменте, возобновляли обмен своих мнений накануне. Был еще в политическом столе Ник<олай> Ник<олаевич> Дьяченко, хилый, болезненный господин. Он был милым, сердечным человеком, хотя и не без позы; впрочем, последняя никому не вредила, ему же, кажется, служила на украшение. Был еще Татищев. Это был замечательный труженик; он приходил к 10 часам утра и уходил позже всех. Он никогда ни с кем не разговаривал; ни минуты не сидел, сложа руки; не принадлежал ни к одной из партий. В нашей клике были Губарь и Засецкий. Губарь породой не отличался; свою службу он исполнял добросовестно, приправлял свои разговоры сальными анекдотами; в общем, был добрым малым. Засецкий был ничтожной личностью, но прекрасно одевался; обходили его всячески. Теперь, благодаря протекции Сементовского^{xlv} положение его исправилось, но бороться с кем-либо ему не под силу.

Были и независимые у нас. Из них Смелков^{xlvi}, известный под кличкой Менелик, состоял под начальством Кетова; добрый и милый малый. Другой – Юдин Николай Петрович^{xlvii} – прекраснейшая благороднейшая личность. Большой комик по природе, он часто потешал Департамент, и ему я обязан многими минутами искреннего, здорового смеха.

Такова была физиономия нашего Департамента или, вернее, 1 отделения. Во втором отделении тоже были чиновники, но нам не приходилось с ними сталкиваться. Назову из них: Плансона, Щекина^{xlviii}, Нератова^{xlix}, Персиани¹, Ону, Протопопова, Хрулева^{li}, Половцева^{lii}. Из них Ону и Протопов были моими одноклассниками; Половцев – оригинал, молчаливый и обладавший аппетитом юноша; в прошлом году он женился на М-ле Велиховой^{liii}, той самой Мимочке, с которой я был очень дружен в молодые лицейские годы. Хрулев из правоведов перешел к нам из II Д-та, и его бывшие коллеги спрашивали про него, говоря: «что делает у Вас наш дурак»? Подлиза, фальшивый и трусоват.

Персиани, сын бывшего посланника в Сербии, имел все качества отличного человека на лицо. Он курил трубку и любил до безумия Вагнера, будучи сам хорошим пианистом.

Над всем этим стоял добрейший Алек<сандр> Конст<антинович> Базили. Пороха он не выдумал; отличался суетливостью; боялся высшего начальства, и в минуты гнева онаго терял голову. Говорил он пресмешно, с греческим акцентом. Сын его Коко, лицеист VI класса, был притчей во языцах Первого Департамента; любовь отца к сыну были трогательны, и ежедневно в 4½ часа рара^{liv} и Коко выезжали кататься. Базили мощно подпирал Гартвиг, вице-директор. Олимпийски спокойный, умный и способный Николай Генрихович нес на своих плечах всю тяжесть департаментской работы. Не было

дела, которого бы он не знал. Писал он прекрасно и много. Ныне он Директор, Гофмейстер, кавалер орденов – словом труды его не прошли даром.

Машина работала; подчас механизм ослабевал; его подмазывали, либо Гаагской конференцией^{lv}, либо Критской резней^{lvi}. И тогда стучали машинки, скрипели перья и спины чиновников склонялись в три погибели.

Первый Департамент был в моде; ему поручали всевозможные дела, часто совершенно не входившие в его компетенцию. Так ему поручена была конференция мира в Гааге. Дело велось в секрете, и Правительственное сообщение явилось неожиданностью даже для многих чинов министерства. Творцом конференции считают Государя^{lvii}; будто бы, однако, мысль эту ему подсказал гр. Муравьев^{lviii}. Ходили слухи, что инициатором всего был Базили. Будучи еще в Пеште^{lix}, он выудил эту идею, присутствуя на заседаниях межпарламентской конференции 1894 г.^{lx}. Я не ручаюсь за достоверность вышесказанного; передаю лишь то, что рассказывалось у нас в минуты отдыха, в курилке и чайной.

Поручали нам и так называемый финляндский вопрос. Именно предлагалось разъяснить Европе через наших представителей истинный смысл Манифеста 3 февраля 1899 г.^{lxi} Была составлена брошюра: «Le manifeste Imperiale du 3 fevrier 1899 et la Finlande»^{lxii}. И разослана с циркуляром нашим послам и посланникам с предложением сообщить ее содержание местным публицистам. Брошюра эта, впрочем, никого не убедила; она вызвала много других брошюр; из оных одна оканчивалась нелестной для русского самолюбия фразой «quo il qi en soit l oeuvre achevee le 3 fevrier 1899 et dont la brochure distribuee aux diplomates russes a eu pour tache de chanter l eloge, ne peut pas etre rangee parmi les actes politiques inspires par la sagesse et le respect des lois»^{lxiii}.

Здесь не место судить, кто был прав и кто виноват. В России самой было много мнений по сему предмету. Рассуждений было много и у нас и у финляндцев. Будущее покажет, что выйдет из Манифеста 3 февраля 1899 г.

Как было упомянуто выше, я начал свою службу в июле. Полнейшему вступлению в курс дела предшествовал так называемый «экзамен при департаменте». Он состоял в том, что из архива мне было дано дело, каковое я должен был провести по всем необходимым инстанциям, наполовину по-французски. На устном испытании мне было предложено указать разницу между сербами и хорватами и несколько вопросов из географии, вроде: какой главный город Персии? Говорят, что ныне требования этого экзамена повышены; могу сказать, что мне это были сущие пустяки. Этот экзамен открывал доступ к службе в центральном учреждении – в С. Петербурге. Желавшие же идти по дипломатической части за границу, подвергались так называемому дипломатическому экзамену. Он происходил 2 раза в год: осенью и весной. Присутствовал Товарищ министра и весь Совет^{lxiv}. Экзаменовали Тов. Министра (dossier из архива на франц.<узком> яз.<ыке>), Мартенс из Международного права, Малевич Мальский^{lxv} из политической экономии и бар. Остен-Сакен^{lxvi} предлагал вопросы по заданной заранее статистической работе. За исключением Мартенса – все было пустяком. Спрашивали, напр., что такое порто-франко^{lxvii}, эмиграция, ажио^{lxviii}. Статистическая работа была компилятивной и лишенной всякой самостоятельности. Мне была дана Сербия и Черногория в статистическом отношении; существующая небольшая литература по этому вопросу вполне давала материал, чтобы

написать три-четыре листа, приправив их призрачными цифрами. Тем не менее, экзамен страшил всех; обстановка его была самая торжественная. Вталкивали нас в кабинет Тов<арища> Министра, где приходилось сидеть окруженным сановниками в парадных мундирах и с орденами. В случае успеха недели через две Департамент личного состава уведомлял каждого из нас о результате, свидетельствуя при сем свое почтение. Но патент этот был звуком пустым; для многих заграница навсегда оставалась чем-то недоступным; большее значение имела протекция.

Первое время на причисленных возлагалась главным образом обязанность литографирования^{lxxix} донесений наших представителей. Это была сравнительно интересная работа, хотя писание литографскими чернилами было подчас изводящим. В мое время только что введены были машинки Remington^{lxxx}, и молодежь приглашалась практиковаться на оных. Как было сказано выше, я сидел в Турецком столе у Кетова. У него я пробыл недолго и был переведен в Славянский стол, где разделил труды с Засецким. В конце пребывания моего в Департаменте меня откомандировали в Греческий стол к Губарю. Мы быстро привели архив в порядок и премило проводили время: работы было немного; лишь изредка Яковлев^{lxxxi} из Иерусалима подваливал своих покойников, и тогда начиналась кутерьма изрядная. Каждый покойник требовал minimum 3-4 исполнений.

Летом 1899 года я поехал в отпуск к другу своему по лицу Б.Н. Жеванову в Вышний Волочок. Мое пребывание в Бродке, так называлась усадьба Жевановых, было для меня всегда одним из приятнейших моментов жизни. Жевановы были прекрасные люди; гостеприимство их было чисто русским, радушным и сердечным. Я пробыл в Бродке недели три и вернулся в Петербург.

Бар. Ливен^{lxxii} имел двух дочерей Энни и Магду^{lxxiii} Ливен, Из них волею судьбы старшая сделалась моей женой в ноябре 1899 г., именно 14-го^{lxxiv}. Еще перед свадьбой мне приходило на ум уехать куда-либо за границу и причислиться к какой-нибудь из наших миссий. Передо мной продефилировали Константинополь, Рим, Дрезден, Бухарест; но попал я в Белград. Произошло это следующим образом. Приятель моего отца граф Павел Сергеевич Киселев^{lxxv} говорил обо мне Буксгевдену^{lxxvi} и Волкову^{lxxvii}; оба они приняли меня любезно и оба в один голос отсоветовали Дрезден, находя его полнейшей sine sigой, что не могло бы не отразиться на моей карьере. Будучи в начале ноября (1899) утром на квартире у Буксгевдена, приходит туда Базили и говорит мне: езжайте в Белград, там теперь один Мансуров^{lxxviii}; Нелидов^{lxxix} собирается бросить службу, и Вы можете занять его место. Я очень обрадовался этому предложению; оно было для меня даже лестным, ибо Белград за последнее время считался une poste de bataille^{lxxx}. Инцидент с Жадовским^{lxxxii}, его отъезд, покушение на Милана^{lxxxiii} и сплетни по этому поводу – все это вместе делало Белград более интересным, чем, например, Дрезден. В настоящее время мне смешно и стыдно вспомнить, что я имел даже минуту мысли о Дрездене. Перспектива же занять место Нелидова усугубляла приятность Сербии. Расчеты мои, однако, не оправдались; после Нелидова место оставалось долго вакантным и перешло к Евреинову^{lxxxiii}.

Это, однако, не помешало мне проделать прекраснейшую дипломатическую школу.

ⁱ Тетрадь с воспоминаниями дипломата хранится в Русском архиве университета города Лидс (Leeds Russian Archive. MS. 1285/77). Документы публикуются по современным правилам правописания. Характерные особенности текста, его шрифтовые выделения, стилистика оригинала сохранены. Особую благодарность за доброжелательность, готовность всегда оказать помощь, проконсультировать хочу принести хранителю архива Ричарду Дэвису.

ⁱⁱ Первый департамент Министерства Иностранных Дел – Азиатский департамент.

ⁱⁱⁱ Урусов Лев Владимирович (1877–1933, Париж), дипломат, третий секретарь канцелярии МИД, в качестве первого секретаря работал в дипломатической миссии в Болгарии, в посольстве в Японии, вице-директор 2-го (экономического) департамента МИД, председатель общества служащих МИД. Один из первых чемпионов России по игре в лаун-теннис. С 1910 до 1933 гг. член Международного Олимпийского комитета от России.

^{iv} Бибиков Михаил Михайлович (1877–1944, Маулагузен, Германия), дипломат. Состоял при канцелярии МИД сверх штата, первый секретарь посольства в Дании, первый секретарь посольства в Греции, секретарь Российской миссии в Мюнхене.

^v фон Зиберт Бенно Александрович (1876? – 1926) был причислен к департаменту личного состава и хозяйственных дел. Позднее работал в качестве второго секретаря в посольствах в Бельгии, США, Великобритании. По некоторым сведениям, сотрудничал с германской разведкой.

^{vi} Барон Карл Александрович Штакельберг (1877–1904), был причислен к департаменту личных и хозяйственных дел, позднее был третьим секретарем канцелярии МИД.

^{vii} Вследствие реформы 1897 г. Вторым департаментом МИД стал департамент внутренних сношений.

^{viii} Фельдман Федор Александрович (1835–1902) – генерал от инфантерии. С 1896 по 1900 г. – директор Императорского Александровского лицея.

^{ix} Жеванов Борис Николаевич (1876–1938), по окончании лицея служил в Государственной канцелярии. Дружбу с ним Е.В. Саблин сохранил на долгие годы. После революции Борис Николаевич остался в СССР. Работал юристом в советских учреждениях. Впервые арестован в 1925 г., приговорен к трем годам лагерей. Расстрелян в 1938 г.

^x Мартенс Федор Федорович – *Friedrich Fromhold Martens* (1845–1909), известный русский юрист, профессор международного права. С 1881 г. член Совета МИД.

^{xi} Буквально: «экзамен способностей» (фр.) – экзамен на право занятия должности.

^{xii} В лицее в эти годы была принята двенадцатибалльная шкала оценивания.

^{xiii} Полянский Владимир Васильевич, в дальнейшем полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. Активный участник Белого движения. В эмиграции в Польше.

^{xiv} Базили Александр Константинович (1846–1902), дипломат. 1897–1900 гг. – директор первого, азиатского департамента МИД.

^{xv} Мартынова (ур. Папудова) Ариадна Константиновна (ок. 1852–1935, Париж), вдова генерала от кавалерии Андрея Дмитриевича Мартынова.

^{xvi} Базили Николай Александрович (1883–1963, Филадельфия), дипломат. Работал в канцелярии МИД, в посольстве в Париже. В 1917 г. – начальник дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего, член Совета МИД. С июля 1917 г. – 1921 г. – советник посольства в Париже. В 1922–1939 занимался банковской деятельностью. В начале Второй мировой войны уехал в Латинскую Америку. Написал две книги о советской власти в России.

^{xvii} Жевановы, видимо, имеется ввиду семья генерал-майора Николая Ильича Жеванова, отца Бориса – друга Евгения Саблина.

^{xviii} Гунгербург или Усть Нарова (совр. Нарва-Йыэсуу в Эстонии) В то время модной курорт, где активное дачное строительство вела знать Петербурга, Москвы, Костромы и Ярославля.

^{xix} Имеется в виду семья Александра Ивановича Урусова (1843–1900), яркого представителя поколения адвокатов-общественников пореформенного периода. Он был изве-

стен также как литературный и театральный критик, собиратель автографов деятелей культуры. Его сын Александр (1872 г.р.) мог быть товарищем Е. Саблина.

^{xx} Зеленые. Гофмейстер императорского двора, воспитатель детей Вел. Кн. Константина Константиновича Илья Александрович Зеленой и его жена Александра Николаевна Митусова. Их сыновья Александр (1870 г.р.) и Константин (1875 г.р.) могли быть приятелями Е.В. Саблина.

^{xxi} Пешковы – не выявлены.

^{xxii} Пантелеевы. Возможно другом юности Е.В. Саблина был уроженец Новочеркаска Александр Петрович Пантелеев (1872 или 1874 г.р.), русский и советский режиссёр, сценарист и актёр.

^{xxiii} Енакиевы – не выявлены.

^{xxiv} Рассели – не выявлены.

^{xxv} Возможно, семья известного судебного деятеля, сенатора Александра Дмитриевича Чаплина. Его сын Николай (1876 г.р.) мог быть товарищем Е.В. Саблина.

^{xxvi} Митусовы – возможно, семья тайного советника, дипломата, известного коллекционера С.Н. Митусова (1847 – после 1922) и оперной певицы, урожд. Е.В. Голинищевой-Кутузовой.

^{xxvii} Татищев Борис Алексеевич (1876–1949 Париж), дипломат. Второй секретарь посольства в Берлине, первый секретарь в Афинах и Париже. С 1916 г. – начальник канцелярии МИД, Помощник А.А. Нератова по Управлению иностранными делами Особого Совещания Юга России, в 1920 г. – начальник политической канцелярии управления иностранных сношений. 1921 – и.о. советника посольства в Париже.

^{xxviii} Засецкий Константин Александрович (1876–1954 Париж), делопроизводитель Первого департамента МИД.

^{xxix} Крупенский Александр Дмитриевич (1875–1939, Париж), был причислен к Первому департаменту, позже секретарь консульства в Яссах. В 1903–1914 гг. служил чиновником особых поручений при директоре императорских театров, управляющим Петербургской конторой Императорских театров. Театральный деятель, композитор. Во время мировой войны был главным управляющим военно-санитарными организациями Вел. Кн. Марии Павловны.

^{xxx} Арсеньев Борис Константинович (1874–1925 Париж), дипломат, камергер. Второй секретарь посольства в Японии, первый секретарь посольства в Пекине, генеральный консул в Бомбее, первый секретарь миссии в Вашингтоне, Афинах. В 1915 г. вице-губернатор в Бессарабии, в 1916–1917 гг. – в Буковине. В эмиграции – аташе при Великом князе Николае Николаевиче.

^{xxxi} Протопопов Евгений Сергеевич (1875–1944), дипломат. Консул в Ницце, вице-консул в Вене.

^{xxxii} Ону Константин Михайлович (1875–1950), дипломат, камер-юнкер, статский советник; помощник секретаря, второй секретарь русского посольства в Константинополе, первый секретарь миссии в Гааге, советник посольства в Вашингтоне, в 1920 г. советник дипломатической миссии в Константинополе.

^{xxxiii} Кетов Сергей Сергеевич. (? –1905) Другой сотрудник департамента вспоминал о С.С. Кетове, что будучи начальником политического стола, «который занимался главным образом шифровкой и расшифровкой телеграмм... не мог приступить к исполнению своих обязанностей, не вдев монокла и не закулив сигары. Впрочем, бедный Кетов дальше этой должности не пошел, отправившись вскоре на тот свет» // Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893-1922. Минск 2003. С. 11.

^{xxxiv} Плансон (Плансон-Ростков) Георгий (Егор) Антонович (1869 – после 1937, Канны), дипломат, востоковед, коллекционер. Чиновник по дипломатической части при главном начальнике Квантунской армии, генеральный консул в Сеуле, посланник в Сиаме.

^{xxxv} Приклонский Михаил Григорьевич (1864–1944, Стокгольм), дипломат, камергер. В 1894 г. был назначен 3 секретарем в генеральном консульстве России в Будапеште.

С 1897 г. делопроизводитель Первого департамента МИД, с 1912 г. – генеральный консул в Будапеште.

^{xxxvi} Веребеников Александр Порфирьевич (1870–1936, Антверпен), дипломат, общественный деятель, масон. Делопроизводитель Первого департамента МИД, в дальнейшем чиновник для особых поручений при министре иностранных дел. В период гражданской войны – секретарь Русской Делегации по делам о военных и военнопленных в Берлине, по ее окончании – заместитель начальника Офиса русских беженцев. С 1923 г. в Париже занимался издательской деятельностью.

^{xxxvii} Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914 Белград), дипломат, гофмейстер. Вице-директор (1897), директор (1900–1906) Азиатского департамента МИД, посланник в Персии и Сербии.

^{xxxviii} Жуковский Владимир Григорьевич (1871–1922), дипломат. На консульской работе в Галаце, Адрианополе, Кенигсберге, Праге. Чиновник МИД Временного Сибирского правительства, товарищ министра иностранных дел в правительстве Колчака. В 1920 г. приговорен большевиками к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

^{xxxix} Ларош Евгений Германович (? – после 1929 г), вице- консул в Каире, секретарь и драгоман в Бейруте, вице-консул в Каире, с 1914 г. состоял при ведомстве в звании коллежского советника. В 1920-е годы работал в московском Институте Востоковедения.

^{xl} Дьяченко Николай Николаевич, секретарь и драгоман представительства в Салониках, секретарь дипломатического агенства в Софии, поверенный в делах России в Черногории.

^{xli} Губарь Алексей Алексеевич (1873–1945, Париж), чиновник Первого департамента, затем второго политического отдела МИД. В период гражданской войны – директор управления личного состава Управления иностранными делами Особого Совещания Юга России. В эмиграции во Франции. Издатель, сотрудник Союза деятелей русского искусства.

^{xlii} Буренин Виктор Петрович (1841–1926), поэт, публицист, член редколлегии газеты «Новое время».

^{xliii} Жозе Мариа де Эредиа (1842–1905), французский поэт, писатель, переводчик кубинского происхождения.

^{xliv} Эминеску Михай (настоящая фамилия — Еминович) (1850–1889), классик румынской литературы, поэт.

^{xlv} Сементовский-Курилло Дмитрий Константинович (1859–1911, София), дипломат, гофмейстер. В 1898 г – чиновник особых поручений при министре иностранных дел, позже вице-директор, директор Азиатского департамента МИД, посланник в Болгарии.

^{xlvi} Смельков Валентин Васильевич (? –1905) дипломат, секретарь консульства в Чугучаке (1900–1903), секретарь консульства в Урге (1903–1904).

^{xlvii} Юдин Николай Петрович (? –1917), дипломат. Делопроизводитель Первого департамента МИД. Помощник Козакова по Дальневосточному отделу.

^{xlviii} Щекин Михаил Сергеевич (1871–1920 Токио), дипломат, меценат. Консул в Триесте, поверенный в делах России в Пекине, советник посольства в Токио. В эмиграции в Японии.

^{xlix} Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938, Вильжюиф, Франция), дипломат, гофмейстер, член Государственного совета. С 1910 г. и до ноября 1917 г. – товарищ министра иностранных дел, и.о. руководителя Управления иностранными делами Особого Совещания Юга России, 1920-глава дипломатического представительства бар. Врангеля в Константинополе, там же представитель Совета послов до 1923 г.

^l Персиани Иван Александрович (1871 – 1930 Белград), дипломат, музыкант. Делопроизводитель Первого департамента МИД, с 1916 г. – советник российского посольства в Италии. Возглавил представительство после отъезда посла М.Н. Гирса в 1920 г. в Париж. В 1926 г. поступил на службу в МИД Королевства сербов, хорватов и словенцев.

^{li} Хрулев Дмитрий Сергеевич (1873–1950 Англия). Дипломат, статский советник, камергер. Делопроизводитель Первого департамента МИД, потом долгое время «состоял в ведомстве МИД».

^{lii} Половцев Александр Валерьянович. (?–1916) делопроизводитель VII класса Первого департамента МИД. С 1903 г. до своей смерти состоял в ведомстве Министерства иностранных дел в чине титулярного советника.

^{liii} Велихова М. не выявлена.

^{liv} Пара (фр) – отец.

^{lv} Гаагская конференция 1899 г. – первая конференция разоружения, созванная по инициативе Российской империи.

^{lvi} Критская резня. По-видимому, имеется в виду критское восстание 1897–1898 гг. В январе 1897 г. местные мусульмане при поддержке турецких военнослужащих устроили резню христиан в критских городах Ираклионе, Ретимноне и Ханья.

^{lvii} Подразумевается император Николай II.

^{lviii} Гр. Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900). Министр иностранных дел Российской империи 1897–1900 гг.

^{lix} Пешт. Венгерский город, расположенный на восточном берегу Дуная. В 1873 г. произошло его объединение с Будой, городом, занимавшим западный берег Дуная. А.К. Базили в 1896 г. был русским консулом в недавно образованном Будапеште.

^{lx} Межпарламентская конференция 1894 г. Создание старейшей международной организации сотрудничества парламентах разных стран было оформлено на межпарламентской конференции в 1894 г.

^{lxi} Манифест 3 февраля 1899 г. Положил начало политики «русификации» Финляндии. Император не отменил действовавшую на территории княжества конституцию, но объявил о праве великого князя издавать законы без согласования с представительными органами власти Финляндии.

^{lxii} Императорский манифест 3 февраля 1899 г. и Финляндия.

^{lxiii} Фр. «Как бы там ни было, но акт, предпринятый 3 февраля 1899 г., которому русские дипломаты должны были петь хвалу, не может рассматриваться как политический акт, вдохновленный мудростью и уважением законов».

^{lxiv} Совет Министерства иностранных дел был создан именным указом императора Николая I от 10 апреля 1832 г., как совещательный орган при министре.

^{lxv} Малевский-Малевич Николай Андреевич (1855–19?), в конце 90-х гг. XIX в. – директор Второго департамента МИД.

^{lxvi} Барон фон-дер Остен-Сакен Федор Романович (1832–1916), в конце 90-х гг. XIX в. – член Совета министерства, товарищ министра иностранных дел.

^{lxvii} Порто-франко – приморская гавань, пользующаяся правом беспошлинных ввоза и вывоза товаров.

^{lxviii} Ажю – превышение рыночной цены золота, курсов валют, векселей и др. ценных бумаг относительно их номинальной стоимости.

^{lxix} Литографирование – рисование (в данном случае письмо) на литографском камне специальными чернилами; печатать с камня, на котором была сделана запись. Таким путем в то время распечатывались дипломатические документы.

^{lxx} Машинки Ремингтон – первая серийно выпускаемая, коммерчески успешная, проложившая дорогу всем последующим печатная машинка.

^{lxxi} Яковлев Александр Гаврилович (1854 - 1909), с 1897 г. генеральный консул в Иерусалиме, посланник в Сиаме. Член Палестинского общества.

^{lxxii} Барон Густав Эмилианович Ливен. Хранитель Эрмитажа. Автор книги «Путеводитель по Кабинету Петра Великого и галерее драгоценностей», СПб., 1901.

^{lxxiii} Баронесса Ливен-Орлова Магда Густавовна (1885–1929), драматург, поэтесса, прозаик.

^{lxxiv} Скупое сообщение о заключении брака вызвано тем, что через пять лет Элли неожиданно попросит развод, решившись выйти замуж за богатого австрийского дипломата. Евгений Васильевич тяжело пережил произошедшее, постарался вычеркнуть первую жену из своей жизни.

---

^{lxxv} Граф Киселев Павел Сергеевич (1831–1906), гофмейстер императорского двора. Большой любитель истории и собиратель древностей.

^{lxxvi} Буксгевден Карл Карлович (1855–1935, Брюссель), дипломат. Шталмейстер Вел. кн. Александры Иосифовны. В конце 90-х гг – директор департамента Личного состава и хозяйственных дел. Будучи посланником в Дании в 1917 г. ушел в отставку, отказавшись служить Временному правительству. Последний царский Российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Дании.

^{lxxvii} Волков Александр Сергеевич, дипломат. В 90-е гг. XIX в. Вице-директор канцелярии МИД.

^{lxxviii} Павел Борисович Мансуров (1860–1932), дипломат, церковный деятель, участник монархического движения. 1898–1903 гг. – сотрудник русского посольства в Константинополе. В дальнейшем директор Главного архива МИД. Участвовал в Церковном Соборе 1917–1918 г. В годы советской власти был секретарем общины, членом комиссии по охране памятников и искусства Троице-Сергиевой лавры. Неоднократно подвергался арестам. Был сбит трамваем в Москве летом 1932 г.

^{lxxix} Нелидов Георгий Александрович (1874–1918), второй секретарь миссии в Сербии, управляющий отделом печати МИД.

^{lxxx} Боевой пост (фр).

^{lxxxi} Жадовский Валерий Всеволодович (1836–1916), посланник в Сербии (1897–1899), причиной его отъезда в отпуск послужили не сложившиеся отношения с королем–отцом Миланом Обреновичем

^{lxxxii} Милан Обренович (1854–1901), король Сербии. В 1889 г. отрекся от престола в пользу своего сына Александра, уехал из страны. После возвращения в Белград в 1894 г. – фактически соправитель сына. В июле 1899 Кнезевич совершил неудачное покушение в Белграде на его жизнь.

^{lxxxiii} Евреинов Борис Николаевич (1872 – после 1917 г.), дипломат, камер-юнкер. Второй секретарь посольства в Пекине. Первый секретарь представительств в Константинополе, Сербии. В дальнейшем – чиновник для особых поручений.

Миронова Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИВИ РАН; alena.stankina@rambler.ru

Memoirs by Evgeny Vasilievich Sablin

E.V. Sablin was a diplomat and the head of the Russian émigré community in inter-war London. In these memoirs he recollects the period when he completed his education at the Alexander Lyceum and began his career in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire.

Keywords: Sablin, Alexander Lyceum, diplomacy, Foreign Ministry of Russian Empire, Gungenburg, Jevanov, Serbia

Elena Mironova, PhD (History), senior researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; alena.stankina@rambler.ru